

Обзор конференции «Gulag Legacy: History, Memory and the Sacred in Post-Soviet Russia. Наследие ГУЛАГа в постсоветской России: история, память, сакральное»

Амстердам, 8–9 июня 2018 года

Международная Конференция «Наследие ГУЛАГа в постсоветской России: история, память, сакральное» (*GULAG legacy: history, memory and the sacred in post-soviet Russia*) проходила 8–9 июня 2018 г. во *Vrije Universiteit Amsterdam*. Конференция была организована факультетом теологии в рамках проекта «Богословие после ГУЛАГа», начавшего свою работу в 2016 г. Председатель оргкомитета Катя Толстая, открывая работу конференции, призвала участников отойти от политического дискурса борьбы за память, но обратиться к богословскому осмыслению трагедии XX в., мыслить «*de profundis*». Она определила три основных темы, вокруг которых была сформирована программа конференции: уникальное и универсальное в человеческих страданиях; память как попытка противостояния небытию; христология и антропология в свете дегуманизации, пережитой человечеством в XX в.

В начале конференции прозвучал доклад известного протестантского богослова Юргена Мольтмана (Тюбингем). В докладе был представлен обзор того, на какие вопросы отвечало и как развивалось богословие после Освенцима. Ужас и масштаб страданий, которые довелось пережить людям в XX в., заслонил вопрос Бога к человеку о его вине и вывел на первый план вопрос человека к Богу: почему Бог это допустил? где был Бог, когда уничтожались миллионы людей? Для многих представителей иудаистского богословия вопрос встал предельно остро: можно ли после Освенцима верить, что Бог действует в истории? И даже еще более радикально: можно ли вообще говорить о существова-

нии Бога? Жить в бессмысленном космосе лучше, чем жить с Богом, который допускает Освенцим. Но потерять веру, отвернуться от Бога значит дать Гитлеру одержать еще одну победу, даже из могилы. В послевоенном иудаизме активно развивается богословие страдающего Бога. Где был Бог во время страданий своего народа? — В каждом умирающем ребенке. Любой другой ответ на этот вопрос был бы богохульством. Бог смиряет и уничтожает Себя, разделяет страдания своего народа.

Христианское богословие после Освенцима ставит вопрос не только о молчании Бога, но и о молчании людей, о вине и ответственности тех, кто предавал брата или своим молчанием обрекал его на страдание. Вопрос о катастрофах XX в. — вопрос к нам самим: Каин, где брат твой Авель? Всемогущий Бог открывает себя как Бог Всестрадающий, всегда разделяющий судьбу жертвы. От человека же требуется некое искупительное усилие, которое позволит ему освободиться от бремени вины за преступления, совершенных им в XX в. Без освобождения от груза прошлого ни человек, ни народ не могут строить свое будущее. Таким искупительным усилием может быть как личное покаяние, постоянное сокрушение сердца, не позволяющее снова попасть в плен к какой-либо идеологии, так и публичное исповедание преступлений, совершенных народом, свободное и честное отношение к своему прошлому.

На конференции был представлен опыт различных стран по преодолению травмирующего наследия XX в. В частности, прозвучал доклад Пумлы Гободо-Мадикизела (ЮАР) о работе комиссии «Правда и примирение», созданной с целью преодоления последствий апартеида. Основываясь на исследованиях современных психологов, докладчица подчеркнула, что травматический синдром продолжает свое действие на протяжении нескольких поколений, видоизменяя формы внешнего проявления. Поэтому так важно найти особые для каждого народа способы изживания травмы, восстановления поврежденной идентичности.

Обращение к опыту других стран позволило выявить своеобразие ситуации, сложившейся вокруг «наследия ГУЛАГа» в постсоветской России: отсутствие официального признания преступности государственного режима, ставшего причиной миллионов жертв; отсутствие явного различия между палачами и жертвами; отсутствие определенной духовной и моральной оценки исторического прошлого; формирование «механизмов» оправдания ГУЛАГа (имевшие место перегибы были искуплены

победой над нацизмом; ГУЛАГ как часть общего порядка, позволившего преодолеть разрушительные силы хаоса; ГУЛАГ как внешняя «природная» катастрофа, «лихолетье»).

В сложившейся ситуации вопрос о формировании особого богословия, призванного осмыслить ситуацию, возникшую после ГУЛАГа, ставится очень немногими богословами, а также возникает недискурсивным способом в опыте почитания новомучеников, литургических чинах, проектах отдельных церковных движений по сохранению исторической памяти. Так, Катя Толстая в своем докладе «Дегуманизация и образ Божий», опираясь на свидетельства узников ГУЛАГа, говорила о «доходягах» как о новом антропологическом типе, появившемся в ситуации предельного унижения всего человеческого в человеке. За 20–30 дней голода, побоев, изматывающего труда человек превращался в существо, лишенное любых человеческих стремлений и качеств, кроме способности говорить. Правомерно ли утверждать, что в таком человеке сохраняется образ Божий? Ответ на этот вопрос, с точки зрения докладчицы, зависит от того, что мы вкладываем в понятие «образ Божий». Это неотъемлемое качество человека? Это репрезентация человека как хозяина творения? Это способность человека пребывать в общении с Богом и другими людьми? Это динамическая «данность», устремленная к своей заданности («подобию»)? В любом случае вопрос о человеке и возможности потери в нем образа Божьего заново ставит нас перед вопросом о Христе: как должна быть понята его человеческая природа, если в опыте XX в. эта природа оказалась предельно расчеловечена?

Отдельные секции конференции были посвящены русской литературе о ГУЛАГе, проблеме сохранения памяти о трагедии XX в., роли православной церкви в современном дискурсе памяти. На конференции был представлен доклад «Опыт Преображенского братства по увековечиванию памяти о трагедии России XX века», который вызвал оживленную дискуссию о формах сохранения церковной памяти о XX в. в современной России.

*Ю. В. Балакшина,
д-р филол. наук,
доцент, ученый секретарь СФИ*